

В. Г. Белинский

**Жизнь, как она
есть. Записки неизвестного,
изданные Л. Брантом...**

Виссарион Григорьевич Белинский

Жизнь, как она есть.

Записки неизвестного, изданные Л. Брантом...

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2898465*

Аннотация

Л. В. Брант – беллетрист и критик конца 1830–1840-х гг., в течение ряда лет фельетонист «Северной пчелы». Одержимый, по выражению Белинского, страстью «сочинять во что бы то ни стало», Брант перепробовал себя во многих родах – в повести, романе, критических статьях и библиографических обзорах и т. д., публикуя книжки и брошюры за свой счет. Все это неизменно вызывало насмешку в журналах самых разных направлений. В рецензии Белинский приводит без каких-либо изменений и сокращений все, что было сказано по этому поводу автором романа, а затем кончает своеобразной пародией на эти его выпады, пародией, заключающей убийственную характеристику самого Бранта.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Комментарии

Виссарион Григорьевич Белинский

Жизнь, как она есть. Записки неизвестного, изданные Л. Брантом...

ЖИЗНЬ, КАК ОНА ЕСТЬ. Записки неизвестного, изданные Л. Брантом. Санкт-Петербург. 1843. В тип. К. Жернакова. Три части. В 12-ю д. л. В I части – 236, во II – 230, в III – 260 стр.

Все поэты, сколько их ни было, начиная с того времени, как на свете явились поэты, и до наших дней, – старались изображать *жизнь, как она есть*, и ни один из них, ни все вместе не успели окончательно показать миру *жизнь, как она есть*. Это оттого, что жизнь неисчерпаемо глубока и бесконечно многостороння: сколько ни изображайте ее, всегда остается что изображать; сколько ни трудитесь, а всегда будете исписывать только листочки жизни и никогда не напишете ее целой книги... Так думали мы всегда; но, прочитав заглавие нового творения г. Бранта, мы было поколебались в нашем убеждении. Нам пришло в голову: может быть, доселе еще не было настоящего гения, и все эти Гоме-

ры, Эсхилы, Софоклы, Эврипиды, Аристофаны, Шекспиры, Сервантесы, Байроны, Вальтеры Скотты, Гете, Шиллеры и tutti quanti¹, может быть, все они или гении-самозванцы, или только обыкновенные талантики, которых человечество, за отсутствием истинного гения, приняло за гениев... Может быть, – продолжали мы мечтать, пораженные смелостью заглавия романа г. Бранта, – может быть... ведь для чудес нет законов... может быть, в особе г. Бранта является миру этот истинный гений, которому суждено изобразить *жизнь, как она есть*...^[1] Ломайте же, поэты, ваши перья – вам нечего больше делать: загадка решена, слово найдено!..^[2] Бросайте, люди, в огонь все прежние романы: в них только отрывки, клочки жизни, тогда как г. Брант предлагает вам, за три рубля серебром, целую книгу жизни, – жизнь, как она есть!.. Но кто же этот смелый, этот гениальный г. Брант?.. Как кто? неужели же вы его не знаете? Он тот, который некогда даром рассылал при газетах свои критические обзоры русской литературы^[3] и другие сочинения; он тот; который в 1840 году издал два томика повестей, поднятые на смех всеми журналами; он тот, который потом, с горя, издал брошюрку «Петербургские критики и русские писатели», с портретом автора, – которая брошюрка опять насмешила все журналы;^[4] он тот, который в прошлом году издал чувствительную повесть «Аристократка», тоже единодушно осмеянную во всех журналах...^[5] Говорят, что писатель, которого все бранят, –

---

¹ все до одного (*ит.*). – *Ред.*

или великий гений, или самый бездарный писака; очевидно, что г. Брант – великий гений: у него столько ожесточенных «врагов» (?!), его сочинения так единодушно преследуются насмешками со стороны журналистов и невниманием со стороны публики... Но самое неопровержимое доказательство генияльности г. Бранта – это его «Жизнь, как она есть». Спешим познакомить публику с этим превосходным произведением.

В предисловии к роману г. Брант рассказывает, что у него был школьный приятель, который «в мундире конно-артиллерийского прапорщика и с подорожной в руках сел в *благословенную* тележку», в то время как он, г. Брант, «в смиренном черном фраке, остался в Петербурге» (стр. II^[6]). Дружья забыли друг о друге, – прапорщик по причине военных тревог, а г. Брант, в черном смиренном фраке, по причине жестокой и продолжительной болезни, которая «оторвала его от света, от всех внешних отношений, наконец, *от самого себя*» (стр. III). Спросите у медиков: они знают, какая болезнь отрывает человека от самого себя, и пожалейте о г-не Бранте!.. Прошло шесть лет, а это (как справедливо замечает г. Брант с свойственным ему глубокомыслием) *не шесть часов и не шесть дней* (стр. IV). (Таких глубоких истин в романе г. Бранта рассеяно без счета.) «Юность сменилась молодостью, а молодость приближалась к периоду зрелости» (стр. IV). Это так глубоко, что мы даже и не понимаем, что хотел сказать г. Брант; но нужды нет: оттого это так и хорошо...

Но вот раз г. Брант находит на своем письменном столе визитную карточку с именем своего друга. На другой день он и сам едет к нему – и тоже не застаёт дома и решается дожидаться. Чтоб не заставлять своих читателей ждать в скуке свидания друзей, г. Брант очень обязательно занял их интересным описанием кабинета своего друга. Наконец это надоело самому г. Бранту, и он, от скуки, принялся читать лежавшую на столе рукопись, предполагая в ней путевой журнал... Права истинной дружбы велики... Но вот является сам хозяин. Сцена свидания вышла претрогательная, а г. Брант такой мастер рассказывать самым лучшим *печатным* слогом... Разговор друзей скоро обратился на рукопись, и заграничный друг рассказал целую историю о том, как досталась ему эта рукопись. Ему подарил ее сам автор, описавший в ней свою жизнь. Друг г. Бранта познакомился с ним на границе Швейцарии с Германией. Он очень заинтересовал друга г. Бранта, и г. Брант весьма скромно замечает по этому поводу: «Прошу припомнить – это говорю не я, а приятель мой: мне, в качестве издателя, говорить *сего* не подобает». Из этого видно, что г. Брант хочет, чтоб его считали не сочинителем, а только издателем «Жизни, как она есть». Обыкновенная уловка многих генияльных писателей! Вальтер Скотт приписывал свои романы ключарю какой-то сельской церкви; Пушкин сочиненные им самим повести издал под именем повестей Белкина и даже с предисловием от лица мнимого Белкина; Лермонтов в своем превосходном «Герое нашего времени»

хотел казаться только издателем записок Печорина, будто бы случайно ему доставшихся через Максима Максимыча. Почему же и г. Бранту было не поступить таким же образом? Мы уверены, что по примеру таких писателей, каковы Вальтер Скотт, Пушкин, Лермонтов и г. Брант, теперь все даровитые авторы будут прикидываться издателями собственных своих сочинений. Итак, дело ясное: г. Брант – подлинный и несомненный сочинитель «Жизни, как она есть». Это доказывается еще и чрезвычайным сходством в образе мыслей и выражения между предисловиями г. Бранта и записками неизвестного: явно, что то и другое писано г. Брантом. Да вот в первых же строках первой же страницы улика налицо. Слушайте: «Я родился... да, разумеется, я родился: иначе меня бы не было на белом свете; а если б не было, то тут нечего бы и говорить.... *(четыре точки)*».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Название романа Л. Бранта затем часто применялось в пародийных целях и Белинским, и другими критиками 1840-х гг.

2.

Иронический перифраз строк из XXV строфы главы седьмой «Евгения Онегина»:

3.

Речь идет о составленных Л. Брантом брошюрках: «Опыт библиографического обозрения, или Очерк последнего полугодия русской литературы с октября 1841 по апрель 1842» и «Несколько слов о периодических изданиях русских», которые он выпустил в 1842 г. и рассылал «при газетах безденежно». Рецензию на них см.: Белинский, АН СССР, т. VI, с. 189–194, где они едко характеризованы как «новые холостые выстрелы в поле» (с. 192), как пустые оценки книг без «какого-нибудь критического кодекса», но «с невыразимыми претензиями на красноречие». В брошюрах содержались отрицательные характеристики критических статей Белинского.

4.

Брошюра Л. Бранта «Петербургские критики и русские

писатели. Несколько мыслей о современном состоянии русской литературы в отношении к критике» (СПб., 1840) представляла собой раздраженный ответ «сочинителя» на критику ранее изданной им книги «Воспоминания и очерки жизни» (1839, в 2-х томах). На эту брошюру Белинский тогда же откликнулся двумя краткими рецензиями в «Отечественных записках» и в «Литературной газете» (см.: Белинский, АН СССР, т. IV, с. 62–63 и 19–20).

5.

См. рецензию Белинского на «Аристократку» – наст. изд., т. 5. Большая издевательская рецензия на эту бездарную «светскую повесть» была помещена также О. И. Сенковским в «Библиотеке для чтения» (1843, т. LVII, отд. VI, с. 1–11).

6.

Курсив в цитатах здесь и далее (за немногими исключениями) принадлежит Белинскому.